М. М. ЖЕРЛИЦЫН

Просто рассказы

НЬЮ-ИОРК
1947

М. М. ЖЕРЛИЦЫН

Просто рассказы

НЬЮ-ИОРК
1 9 4 7

КАК У ОДНОГО СТАРИКА УКРАЛИ ДЕНЬГИ.

В Нью-Иорке, на бисквитной фабрике, служил один старик-карпатоpосс, родом из Подольской губернии. Семья его, очень бедная, пришла на заработки в одно имение близ Каменец-Подольска, и здесь и родился этот старик. Через два года семья вернулась к себе домой, на Карпаты, а мать с мальчиком и своей матерью-старухой остались в услужении. Когда мальчику пошел двенадцатый год, бабушка умерла, а мать, тоже к тому времени овдовевшая, решила на свои скромные сбережения ехать с мальчиком в Америку. В Триесте они сели на французский пароход и в 3-м классе благополучно прибыли в американский город Провидение, где и устроились. Мать мыла посуду в большом ресторане, а мальчик помогал ей.

В Америке борьба за существование ведется самым энергичным образом, и нигде труд и капитал не сталкиваются так резко, как в этой стране, сравнительно еще недавно отвоеванной у индейцев. Рабочие здесь часто бастуют, и полиция не останавливается ни перед какими мерами, чтобы прекратить стачку. В одну из таких забастовок попала и карпатороска со своим “бойсиком”, как здесь называют детей. Ей плеснули в лицо серной кислотой, а мальчику порезали руки. Женщина ослепла, а мальчик стал калекой.

Прошло много лет, мать умерла в богоугодном заведении, а сын ее давно уж устроился сторожем

на фабрике. Служил он там пятьдесят лет и за это время скопил около тридцати тысяч рублей, или "далов", как в Америке называют бумажные деньги. Он всю жизнь, можно сказать, духовно был связан с родиной, где была похоронена его бабушка, и где жили "паны", которых он очень полюбил. Но случилось несчастье, и "мальчик" потерял и деньги, и жизнь. Дело в том, что фабрика выпускала "Боны", по которым платили проценты. Помещение денег в эти "Боны" было хорошим делом, так как, если дела фабрики шли хорошо, то вкладчики получали больше процентов. Но "хозяин", как здесь говорят, или "наниматель", по-карпатоносски, оказался нечестным человеком. Он посоветовал своему служащему продать свои "Боны" и купить более выгодные. Так как это делали и другие, то карпаторосс последовал совету. Фамилия его, между прочим, была Киркпатрикус, и был он родом из Лейбаха. Он купил фальшивые боны, по которым ничего получать не мог. Он попробовал пойти в суд, но его за это два раза подкололи. Боясь потерять службу, он, как говорят здесь, "спрятал в карман свое горе" и продолжал служить. А во время одной из забастовок он оказался на стороне забастовщиков, и полиция убила его.

ДИАЛОГ.

Приезжий. — Вы уезжаете?

Уезжающий. — Да. Здравствуйте!

Приезжий. — Как поживаете?

Уезжающий. — Дайте отдышаться! Я так спешил, что позабыл даже попрощаться с женой. Читали в сегодняшней газете статью, как поссорился Акакий Иванович с Пульхерией Ивановной? Муж и жена, а выходит, что брат и сестра!

Приезжий. — Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! Поздравляю! Я так и думал, что этот новый писатель... позвольте, между прочим, узнать его имя?

Уезжающий. — Быков!

Приезжий. — Подает надежды. Поезд отходит в 10:30, так что мы можем поболтать. Я, знаете ли, привез из деревни шоколад, могу предложить вам? Надеюсь, эта плитка пахнет особенно хорошо — позвольте заметить, что сегодня чудный день! Как сказал один из наших корифеев:

"Ласточка не знает
Ни заботы, ни труда,
Кропотливо не свивает
Долголетнего гнезда"!

Уезжающий. — Ах, как это гениально! Это, как сказал Палкин, напоминает вам о радости жизни, или, как сказал Рюмин, "Иде же несть ни воздыханий, ни печали"! Или:

“Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий”!

Заметьте, “весело” и в “село”! В этом есть ирония. Как красный “петух”. Но, к счастью, мы далеки от пугачевщины!

Приезжий. — У меня в деревне так много людей, что я не знаю, что с ними делать, как бы еще не устроили бунт!

Уезжающий. — А вы их заставьте работать!

Приезжий. — Да их и заставлять не надо, они сами работают!

Уезжающий. — Вы счастливейший человек в мире! У меня дело обстоит не так благополучно, или, как я бы выразился, я не так счастлив! Ха, ха, ха!

Приезжий. — Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! Надеюсь!

Уезжающий. — Чудный шоколад! Позвольте вам предложить несколько папирос и этот флакон с настойкой. Хотя мои сливы ничем не отличаются от других, но эта настойка может превзойти самые лучшие вина! Когда вы пьете ее, вы чувствуете, как чья-то чудная душа просто проникает в вас. Она замечательно придает аппетит и молодит.

Приезжий. — Благодарю вас. Я выпью сразу! За ваше здоровье и преуспеяние! Желаю вам благоденствия на много, много лет! Позвольте мне поцеловать вас!

Уезжающий. — Два раза! Ну, и до свидания! Я так рад был с вами столкнуться! На вашей сто-

роне плюс, так как вы приехали, а я уезжаю, хотя, казалось бы, должно быть наоборот! Я буду спешить теперь! Итак, до будущего свидания!

Приезжий. — До свидания! Желаю вам всего, всего, всего лучшего! Будьте счастливы и здоровы!

Уезжающий. — Желаю того же и вам! Поклон вашей достопочтимой супруге!

Приезжающий. — А также вашей, или я бы сказал на этот раз, тоже наоборот, ха, ха, ха, до свидания!

НА СТАНЦИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

Когда спросили у одного железнодорожного сторожа, унтер-офицера Сапожникова, по чем он покупает сапоги, он ничего не ответил. Сапоги — это первое условие человеческого существования. Без сапог, говорится, как без ног. Эмвезе — название для трех внутренних планет с точки зрения Марса; Мюс название трех внешних планет, с точки зрения Земли; а так как для Плутона все планеты внутренние, то для него достаточно будет и Ун. Так и с сапогами. Без сапог далеко не уйдешь, не даром некоторые сапоги называются "скороходами". Сколько платил бывший царский унтер-офицер Сапожников за сапоги, все знали, а потому и спрашивать было нечего. Платил он девять рублей серебром; хотя кредитки тоже были хороши, уж и не говоря о золоте. Конечно, если бы на них, как выразился унтер-офицер, был портрет не Николая Гаврикова, а Михаила Жерлицына, которому он продал по очень хорошей цене свою лучшую кобылу, то было бы другое дело, был бы смысл жить; а теперь жить нет никакого смысла. Чтобы доказать последнее свое утверждение, или убеждение, Сапожников зашел в буфет и выпил рюмку водки; а закусил маленьким кусочком селедки с хлебом и двумя горячими пирожками с мясом, а затем уже принялся за борщ, который вкусно пахнул, бурачками, сметаной, помидорами, горячей капустой и куском свежего мяса с жирком, от которого приятно шел пар. Покончив с этим блюдом, он принялся за котлеты с цветной капустой,

а затем потребовал стакан чаю, с лимоном и, повторив его дважды, пошел на перон отдыхать. За все это он ничего не заплатил, да и платить было не за что, так как буфет принадлежал ему. Он тоже был сыном одного из Жерлицыных и какой-то красивой попадьи, которая еще не успела выйти замуж. Больше всего он любил жизнь и был всем доволен; а то, что он никогда в жизни не видел своего отца и мать, его мало интересовало. Поезда приходили и уходили и всегда оставляли ему мелочь. Единственной его слабостью были сапоги; у него самого были отличные сапоги, и у всех на станции были такие же прекрасные сапоги. Как планеты ходят вокруг солнца, так вокруг этих сапог ходили люди, и много лет астрономы думали, как сказать о них что-нибудь хорошее, чтобы они были известны, и придумали эмвезе, мюс, ун,- то-есть названия для трех сапогов; а когда один изнашивался, они надевали другой.

О ЧЕМ ЛЕГЧЕ ВСЕГО ПИСАТЬ?

На этот вопрос ответ не так легок, как можно подумать на первый взгляд. Мой ответ будет, что для химика легче всего писать о химии, для доктора о медицине, для астронома об астрономии. Это, конечно, не правило. Были писатели химики, врачи, астрономы. Мне легче всего писать о железной дороге; хотя я могу также легко писать о химии, медицине и астрономии. Легко мне также писать о телепатии, это совсем легко. Моя мысль передается в другие головы, и если я пишу о смешном, эти головы смеются; а если о печальном, головы плачут. Телепатия об'ясняется легкостью писания. Чем легче пишешь, тем скорее мои мысли передаются в головы. Пока еще не вычислено, с какой быстротой это происходит, но можно предполагать, что быстрота эта весьма ограничена. Я сказал, что мне легче всего писать о железной дороге, потому что, путешествуя, набираешься все время новых впечатлений; это касается меня; что же касается других, пусть выскажутся; это интересный вопрос, и я едва ли ошибусь, если скажу, что врядли найдутся два одинаковых мнения. Люди чрезвычайно щепетильны в отношении писания. Когда я был студентом, один приятель сказал мне, что ему легче всего было бы писать о г —; а другой — о своей комнате. Первого фамилия была Васильев, и он соединял понятие писания с этим неудобопроизносимым словом; второго — Сильванский и он не мог представить себе писания иначе, как в своей комнате, и соединял свою фамилию с ней.

Обоим легче всего было писать об этих двух предметах. Но когда я сказал им, что писать о железной дороге было бы еще легче, оба согласились. Мы решили написать о железной дороге. Первую награду мы присудили Сильванскому, так как он, действительно, написал о железной дороге прекрасно; вторую премию мне, так как я написал не так хорошо; а третью Васильеву, который, хотя и написал очень хорошо, но слишком много и входил в подробности, которые темой не были предусмотрены, как, например, о щебене, шлангах, дровах и прочем, что, хотя и имело отношение к железной дороге, но не непосредственное. Однако, денежную премию получил я, так как то, что я написал, читалось легче, чем у Сильванского, то-есть, было написано прямо на тему; и даже был разговор о разделе моей премии между мной и Васильевым, так как последний написал, действительно, хорошо. Видно было, что тема не причинила ему ни малейшего труда. Впрочем, то же можно было сказать обо мне, так как я написал тоже понятно, просто написал, и дело с концом. Но оба решили, что я написал лучше.

КОФЕ.

Философия заразительна. Кофе, хотя не заразительно, но часто является причиной больших трагедий, особенно, в Америке. Теперь 57-ой год "Антихриста", сказала жена; а муж возразил: "нет, теперь 43-й год Христа". Из-за этого "нет" возник спор. Это значит, что сегодня утром кофе было хорошее. В противном случае, спор возник бы из-за кофе. Жена была украинка, из Киева; а муж был "русский" еврей из Белой Церкви. А дело происходило в Нью-Иорке, на восточной стороне, где живут зажиточные люди. Кофе импортируется из Сантос и Сан Паоло в Бразилии, недалеко от Рио де Жанейро. Этот город прославился тем, что несколько лет тому назад он выбросил в море двадцать семь миллионов мешков кофе, чтобы удержать цену его от падения. А американский президент распорядился уничтожить столько же, или около того, фунтов, или пудов, живой свинины, по той же причине. Если завтра утром кофе будет внусным, спор произойдет из-за войны, которую Америка ведет с Японией, или, наоборот, Япония с Америкой, чего еще пока тоже не решили. Кофе для философствования, это как в том, так и в другом случае. Философ Бекон, или Ветчина, по-польски, сказал, что кофе — это все, без кофе, как без рук. К тому времени как раз была открыта Америка, и кофе прибыло в Европу. С тех пор начались знаменитые "кофейные" споры. Американцы додумались даже до того, чтобы устроить "чайную"

ссору, но это случилось только один раз. Кофе содержит кофеин, известный питательный элемент, который возбуждает сердце и придает вам энергии. Кофе пьют с молоком и без молока, с сахаром и без сахара. Некоторые любят горячее кофе, некоторые холодное; впрочем, процент последних небольшой. Кофе пьют также со сливками; некоторые закусывают, когда пьют кофе; а некоторые, и их большинство, пьют кофе после обеда и после завтрака; хотя некоторые не пьют кофе после обеда, а только после завтрака; некоторые пьют кофе и после ужина. Нет ничего хуже, как ссора из-за кофе. Если кофе не хорошо сварено, муж обрушивается на жену; не все мужья, конечно, как не все люди-философы. Отсюда вывод: либо пейте дурное кофе и молчите, либо не пейте и идите в ресторан. Последнее, впрочем, труднее, так как от жены улизнуть не легко, без кофе, конечно. Это относится к утреннему кофе. О других кофе поговорим в другой раз, когда будем говорить о тех, которые не пьют кофе.

ОРЕХИ НА ХУТОРЕ НОВОМ.

Гвадалквивир течет по обоим берегам Тахо, как говорят португальцы, а камыш растет по обеим сторонам Волчьей, реки ничем не замечательной, если бы не ее положение в этом рассказе. У рек в Испании много притоков, а у этой реки в России притоков немного: Вороная, Каменка, Криница. Сама она впадает в реку Самару, а дальше, как говорит Плутарх, уже идут гипербореи. Еще она ничем не была бы замечательна, если бы над одним из ее обрывистых берегов не росли орехи. К этим орехам часто бегали девочки и мальчики. Ссорились они хотя не часто, но все же ссорились. Один из них был особенно забияка, по имени Ѳеофил; а из девочек была особенно бойкой Приська. У мальчика были всегда подмочены штаны, а у Приськи юбка висела какими-то клочьями, в которых нуждались ее загорелые ноги. Ѳеофил, или, как его называли, Филькинзончик, любил покататься верхом на Приське, но для этого необходимо было сорвать известное число орехов, которые девочка прятала в серый чулок "для бабушки", как она говорила. Орехи эти были замечательно вкусные, от них пахло ольхой и жареными карасями. Когда дети уставали рвать орехи и играть, они садились в траве и закусывали; у

одного из мальчиков была провизия, яйца в крутую, лук, черный хлеб и тарань; а воду они пили из реки. Однако, Приське эти орехи, как говорят, вышли боком, и к осени она так пополнела, что "бабушка" решила, что пора ее повести в лечебницу. А весной у нее появился такой крошечный и беленький "орешек", что все диву дивились. С ним она и проводила лето в саду над рекой, где росли орехи. Волчья уже вошла в берега и теперь текла такая спокойная под лучами солнца, что было просто завидно этим детям и чудной природе, их окружавшей.

Однако, с этими "орехами" была связана и другая история, более драматическая, чем первая.

На хуторе Новом проживала одна приживалка. Однажды она наглоталась этих орехов и заболела. Переварить орехи она не могла и умерла. Ее фамилия была Жерица, а имя Мария, или, как ее все звали, Маня. Она знала один секрет и перед смертью сказала его ухаживавшей за ней Приське. В саду, сказала она, под скалой, где идет первая дорожка в капустняк, зарыт клад, медные деньги. Она сказала Приське, как та может получить за них золотой, а может быть и два, и с тем умерла. Приська сказала об этом Ѳеофилу, и, действительно, вырыв яму аршина в два, они наткнулись на деревянный ящик, в котором, к их разочарованию, оказались старые, гнилые орехи. Ящик они бросили в реку, а орехи разбросали, чтобы не было следа; яму же засыпали и заровняли, покрыв ее сухими листьями и травой. Однако, садовник открыл

это место; скорее даже не садовник, а его собака. Думая, что под скалой что-то зарыто, он тоже принялся копать и, в конце концов, нашел сундучек, в котором оказалось много добра: охапки каких-то счетов, пачки старых ассигнаций и на дне достаточно золотых и серебряных монет, чтобы построить новый дом и жениться. К осени он поехал в нижегородскую губернию; а что с ним произошло дальше и с его "орехами", я расскажу в другой раз.

ХУАНИТА.

Побережье поблескивало серебристым лунным отсветом, а звездное небо ласкало взор. Ночь на испанском острове Хорта в Средиземном море очаровательна!

Девочка с голыми ногами стояла на берегу и смотрела на луну. Беловатый туман обволакивал берег; очевидно, она ждала кого-то.

Худой и высокий англичанин подошел с хлыстом, она легла на спину, и он начал ее бить. Конечно, он уплатил ее родителям за это удовольствие. На груди ее блестел золотой крестик, и слезы текли ручьями по ее посиневшим щекам. Англичане — это вырождающаяся нация, которая почему-то считает, что она должна управлять всем миром; а для этого она должна быть сильной; а для того, чтобы быть сильным, каждый должен одолеть кого-нибудь. В данном случае, избивая испанскую девочку, он как-бы избивал и Испанию. В следующий раз он купит французскую или немецкую девочку, или американскую, и тоже будет избивать их до полусмерти. Без смысла, как говорится, ничего не делается. И в данном случае был найден смысл: избивая ее, он шептал, захлебываясь, со страшной злобой: "А, твое имя Хуанита?! А, твое имя Хуанита"! и другие грубые выкрики. Наконец, повидимому, ослабев, он хлестнул ее еще последний раз по лицу, плюнул на нее и ушел.

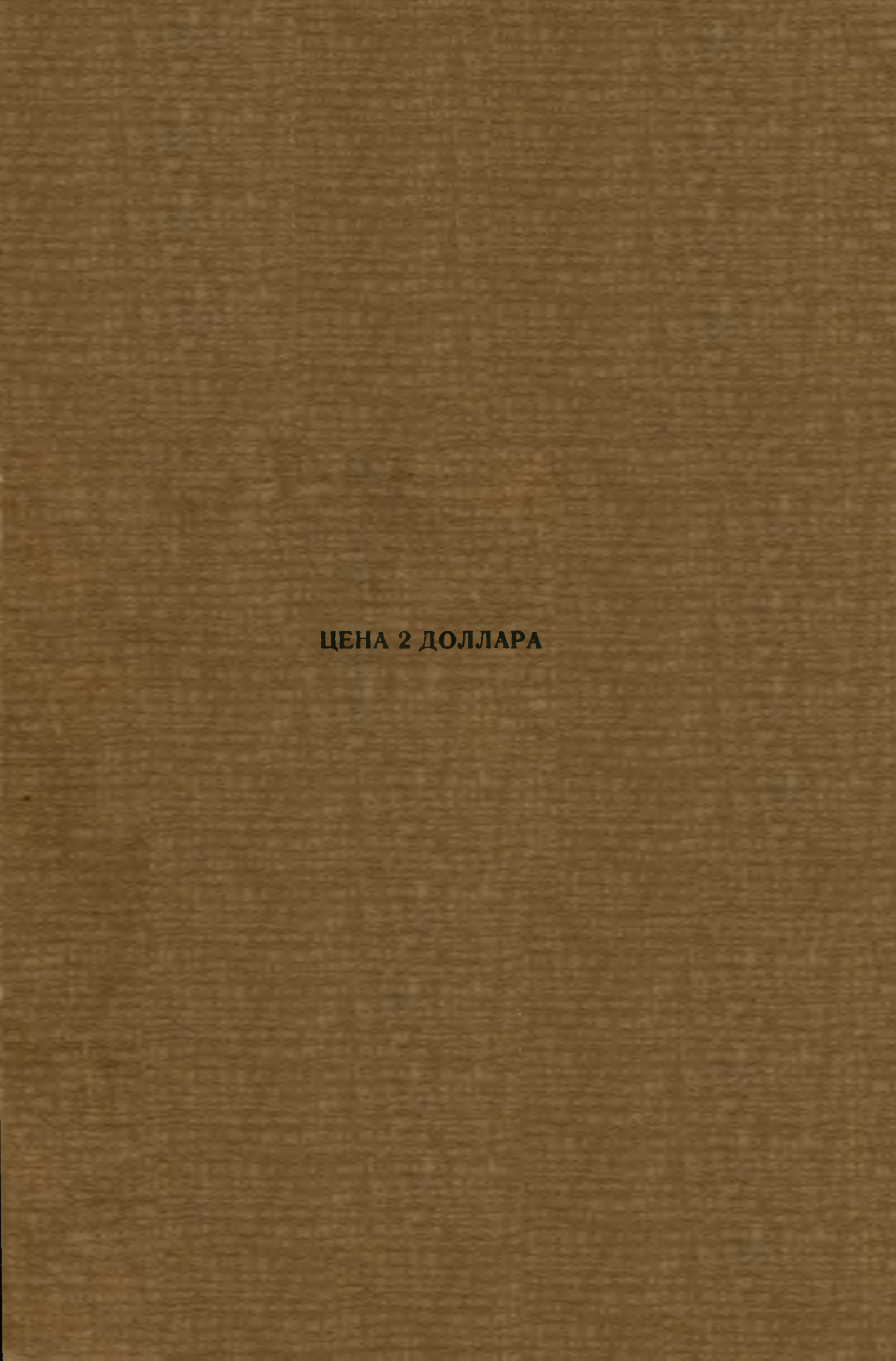
Девочка лежала неподвижно, и тощая грудь ее конвульсивно вздымалась, а слезы продолжали

течь, как если бы им не было конца. Она стонала, точно щенок стонет от голода.

Не прошло и десяти минут, как подошли старик и старуха, здоровые испанские мужики. Старуха плакала. "Отец", если можно назвать такого испанца, взял ее на руки и понес. Скоро они исчезли за скалой.

Эта Хуанита является как-бы символом несправедливости в мире. Испанцы ненавидят труд: пахать землю, жать, это не их дело. Их дело — торговля. А за деньги они готовы делать что угодно. Хунита продает себя. Но работать она не будет; работа, по ее мнению, унижает человека; поэтому она предпочитает продать свое тело англичанину, не учитывая, что этим она унижает весь испанский народ. Но религия сделает эту Хуаниту святой мученицей и, пожалуй, еще создаст из нее статую какой-нибудь "Пресвятой Богородицы". А между тем, испанцев очень много в мире. Они и в Мексике, и в Центральной Америке, и в Южной, и на безчисленных островах, расбросанных по всем океанам. Англичане — это вырождающаяся нация. Как примирить это противоречие? Не утеряли ли эти две нации элементарного кодекса морали? А между тем, англичане тоже очень религиозны! Как примирить эти две точки зрения? Мы попытаемся когда-нибудь в другой раз это обсудить.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕНА 2 ДОЛЛАРА